

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR DOMESTIC VIOLENCE

A. Krasnov

Summary. The purpose of the study. The article reveals the actual aspects of differentiation of legal responsibility for offenses related to the use of domestic violence. The specifics of the legal policy of the Russian state on countering domestic violence are analyzed on the example of legislative decisions on partial decriminalization of beatings as the main type of offense in the area under consideration. The purpose of the study is to analyze the current problems of legal regulation of responsibility for domestic violence in the context of improving Russian criminal and administrative legislation. Beatings, representing an intentional offense characterized by the infliction of an indefinite number of blows, should be differentiated from causing bodily injury, since there is no violation of the anatomical integrity of the victim's body during beatings, but there are only minor, quickly (up to six days) passing consequences. Guided by stereotypes, the courts continue to require women who have become victims of domestic violence to objectively and quickly predict the reality of the risk to their lives, act «rationally» and avoid danger as soon as possible, leave their apartments or take any other actions, including choosing such methods of protection that minimize the harm caused to the attacker. The situation with domestic violence is most often not considered by judges as posing a danger to women's lives, which the courts indicate in the rulings themselves, recognizing women as exceeding self-defense.

Keywords: domestic violence, battery, administrative offense, private prosecution.

Краснов Александр Валерьевич

Аспирант, Московский финансово-юридический университет МФЮА
alex.mos409@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются актуальные аспекты дифференциации юридической ответственности за правонарушения, связанные с применение семейно-бытового насилия. Анализируется специфика правовой политики российского государства по противодействию семейно-бытовому насилию на примере законотворческих решений по частичной декриминализации побоев как основного вида правонарушения в рассматриваемой области. Целью исследования является анализ актуальных проблем правового регулирования ответственности за семейно-бытовое насилие в условиях совершенствования российского уголовного и административного законодательства. Побои, представляя собой умышленное правонарушение, характеризующееся нанесением неопределенного множества ударов, следует дифференцировать от причинения телесных повреждений, так как при побоях нет нарушения анатомической целостности тела потерпевшего, а есть лишь незначительные, быстро (до шести дней) проходящие последствия. Руководствуясь стереотипами, суды продолжают требовать от женщин, ставших жертвами домашнего насилия, объективно и быстро прогнозировать реальность риска для их жизни, действовать «рационально» и как можно скорее избегать опасности, покинуть свои квартиры или предпринять любые другие действия, включая выбор таких методов защиты, которые сводят к минимуму вред, причиненный нападавшему. Ситуация с насилием в семье чаще всего не рассматривается судьями как представляющая опасность для жизни женщин, на что суды указывают в самих постановлениях, признавая женщин превышающими самооборону.

Ключевые слова: домашнее насилие, нанесение побоев, административное правонарушение, частное обвинение.

Дифференциация юридической ответственности является конкретизацией общей проблемой юридической ответственности, основными принципами которой являются законность, гуманизм, справедливость, целесообразность и других. Насилие в отношении женщин признано несколькими международными организациями одним из основных нарушений прав человека в отношении женщин в России, включая указания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин [6, с. 525]. В постсоветский период многие ученые отмечали возрождение гендерного эссенциализма в России, который был особенно успешным в формировании общественного понимания гендерной политики. Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) сохранил структуру советских кодифицированных актов уголовного законодательства в отношении физического и сексуального насилия; то есть

он не предусматривал какой-либо явной защиты в ситуациях насилия в семье, особенно насилия со стороны интимного партнера. До настоящего момента женщины и мужчины пользуются общими для двух полов инструментами правовой защиты в виде запретов, предусмотренных статьями о нападении (статьи 109–116), истязании (статья 117), похищении (статья 121) и изнасиловании (статья 131–132) для судебного преследования своих партнеров и супругов. В 2003 году в УК РФ были внесены 2 статьи, предусматривающие уголовное преследование за торговлю людьми и рабство, но без прямого упоминания о торговле людьми в сексуальных целях или специальных мерах защиты женщин-жертв.

Изменения в статье 116 УК РФ, принятые в июле 2016 года, создали прецедент в советском и постсоветском законодательстве о домашнем насилии. С 1996 года статья

116 УК РФ, озаглавленная «Побои», предусматривала наказание за нападения, не повлекшие серьезного ущерба здоровью. Изменения в эту статью были внесены в рамках пакета, инициированного Министерством юстиции в 2015 году, который был направлен на оптимизацию системы уголовного и административного правосудия, облегчение судебной нагрузки и создание более эффективных механизмов уголовного преследования. Частью этого процесса была декриминализация некоторых действий из статьи 116.1 УК РФ и перенос их в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее — КоАП РФ). Идея этой меры заключалась в попытке реализовать принцип процессуальной экономии путем применения облегченной административной процедуры.

Сдвиг наступил в июне 2016 года во время второго чтения проекта в Комитете по законодательству, когда глава комитета П. Крашенинников, предложил включить три важных слова в новую редакцию статьи 116 УК РФ — нападение, «совершенное в отношении близких лиц». Его аргумент исходил из принципа защиты детей, согласно которому для лучшей защиты детей должна быть введена уголовная ответственность. В феврале 2017 года из новой версии УК РФ были исключены близкие лица, так что простое нападение, не повлекшее за собой серьезных травм, было отнесено к разряду административных правонарушений. Нанесение побоев является одной из наиболее распространенных форм физического насилия в семье. Хотя телесные повреждения в результате побоев сами по себе не считаются вредными для здоровья человека, такие действия нарушают права человека на свободу от насилия и создают угрозу опасности для отдельных лиц. Нанесение побоев относится к категории так называемых «предотвратимых» преступлений. Своевременное выявление и привлечение к ответственности лиц, совершивших побои, позволяет предотвратить более тяжкие преступления, такие как убийство (статья 105 УК РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью, включая смерть потерпевшего по неосторожности (статья 111 УК РФ).

Указанные действия суды устанавливают по признаку виновного (при его наличии), а также совокупности исследуемых в судебном заседании доказательств. Внешне побои представляют собой разнообразные активные противоправные действия, причиняющие физическую боль потерпевшему. Интенсивность и общий характер таких действий не влечет расстройства здоровья. Особенностью побоев является то, что они могут не оставлять телесных повреждений (видимых существенных). Спецификой побоев оказывается отсутствие морфологических изменений. При разрешении дел об административном наказании за побои нередко правоприменитель, перегруженный такого рода «мелкими» делами, допускает ошибки в определении формы дока-

зательств или их смешении. В делах по статье 6.1.1 КоАП РФ отсутствует причинение легкого вреда здоровью, которое могло бы вызвать кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. В то же время, чтобы установить (подтвердить) это, потерпевшие нередко обращаются в медицинские учреждения.

В оценке повреждений, причиненных побоями, суды, как правило, черпают информацию из протоколов об административном правонарушении, заявлений потерпевших, а также справок медицинских учреждений (травматологических пунктов), которые составляются в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. В оценке повреждений суд свободен.

В литературе отмечается отсутствие ясности или определенности в толковании используемой законодателем дефиниции «иные насильственные действия» [7, с. 38]. В целом дефиниция «иные насильственные действия» на практике имеет свободную трактовку, предполагающую широкое усмотрение правоприменителя, что позволяет привлекать к административной ответственности за укусы, порку ремнем, плетью, дерганье за волосы, удары электрошокером и пр.

Сложившееся положение в разнообразии видов иных действий не следует считать проблемным, потому что крайне сложно составить закрытый список способов противоправного причинения физической боли и дифференцировать его для уголовного и административного законодательства.

Отсутствие очевидного причинения вреда здоровью при причинении боли, т.е. без телесных повреждений и иных признаков, обнаруживаемых при осмотре потерпевшего, является специфическим признаком правонарушения. Отсутствие очевидного причинения вреда здоровью при причинении боли, то есть без нанесения телесных повреждений и иных признаков, видимых во время осмотра пострадавшего, не умаляет серьезности поступка. Задача экспертов состоит в выявлении скрытых форм воздействия, которые могут иметь долгосрочные физиологические и психологические последствия. Следовательно, даже при отсутствии внешних проявлений травм, юридическая система должна учитывать все аспекты причинения вреда, что требует глубокого понимания тонкостей медицинской и психологической оценок.

В состав правонарушения должно быть включено не только причинение боли физической, но и причинение боли психической, в том числе нравственные страдания, унижения и т.д. Таким образом, представляется обоснованным говорить об «иных насильственных дей-

ствиях, причиняющих физическую боль и/или психические страдания», понимая под этим действия виновного, направленные на умышленное причинение боли и/или психических страданий. То есть в основном унижают достоинство личности, нарушают право на физическую и психическую личную неприкосновенность. Сложность фиксации объективных признаков побоев не может означать, что это правонарушение не самостоятельно. Напротив, такое отсутствие есть его характерный признак, так как отсутствие телесных повреждений обязывает правоохранительные органы дифференцировать побои от иных видов посягательств на здоровье, оставляющих явные следы [8, с. 128].

Объективные свойства данного правонарушения указывают, что в результате причинения физической боли может последовать разное по своей тяжести причинение вреда здоровью, но такой вред сложно зафиксировать как сразу после нанесения побоев, так — тем более — по истечении определенного промежутка времени. В этой связи лицо может быть привлечено к ответственности при доказывании единичного факта причинения боли, даже в отсутствии связи с индивидуальными ощущениями физической боли потерпевшим и характера, а также тяжести причиненного вреда.

Осенью 2019 года проект закона о предотвращении семейного насилия стал самой противоречивой темой общественных дебатов в России и причиной интенсивных кампаний и борьбы между различными секторами гражданского общества. Законопроект вводит новые правовые положения для более эффективного предотвращения насилия в семье, наиболее спорными из которых оказались определение домашнего насилия в семье и охранные приказы, универсальный международный инструмент для борьбы с мужьями или партнерами, совершающими жестокое обращение. Дебаты вокруг определения возникли из-за отсутствия явной криминализации домашнего насилия в российском законодательстве, и, следовательно, какого-либо официального определения домашнего насилия. То же самое было и в случае с охранными ордерами, которых в российской правовой системе нет. Проект определил семейное насилие в семье как любое «умышленное действие, причиняющее или угрожающее причинить физические и (или) психологические страдания и (или) имущественный ущерб, которое не содержит элементов административного правонарушения или преступления» [9, с. 32]. Это вызвало широкую критику, которая также отразила опасения общественности, что любой может быть привлечен к ответственности в соответствии с этим законом произвольно, на основании неясного и расплывчатого определения.

В статье 17 Законопроекта изложены основания для превентивных мер, включая информацию, поступаю-

щую от социальных служб, полиции или судов, что означало, что официальные жалобы перестали быть единственным основанием для судебного преследования. Статьи с 18 по 25 определяют виды и методы предотвращения, включая спорные статьи 24 и 25 о охранных приказах. В целом, проект продолжил правовую традицию законодательства о профилактике, которое конкретно применялось к таким социальным проблемам, как преступность, злоупотребление наркотиками и алкоголем, бедность, бездомность и так далее.

В отсутствие правовой защиты от насилия в семье, включая механизм защиты или судебного запрета, жертвам остается использовать общие нормы российского законодательства. Однако в таких случаях жертвы сталкиваются с существенными препятствиями, в первую очередь, связанными с мифами о домашнем насилии и стигматизацией жертв. В Российской Федерации дела о домашнем насилии чаще всего рассматриваются в порядке частного обвинения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2] (статья 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за побои» и статья 115 «Умышленное причинение легких телесных повреждений»). Заявление жертвы в данной категории дел выступает основанием для возбуждения уголовного производства, что фактически возлагает на нее функцию обвинения. Между тем жертва преступления явно не способна в полной мере выполнять данную функцию. Также следует принимать во внимание возможность закрытия такого дела в связи с примирением или отказом жертв от обвинения, что служит положительным условием для продолжения семейно-бытового насилия. Процедура частного обвинения в ситуациях бытового насилия неоднократно подвергалась критике со стороны правозащитников и Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин как не соответствующая требованиям правительства по защите прав жертв бытового насилия.

Вызывают большие трудности в понимании случаи самозащиты женщин в ситуациях домашнего насилия. Несмотря на то, что институт самообороны является одним из старейших судебных институтов, хорошо известным даже среди римских юристов, вопрос о праве человека самостоятельно защищать свою жизнь и здоровье всегда был проблемой в российской правовой системе. Люди, наносящие серьезные увечья своему агрессору или убивающие его, часто оказываются обвиняемыми в рамках дел о превышении пределов необходимой обороны или обвиняются в умышленных тяжких телесных повреждениях или убийстве. С самого начала следствие находится на стороне агрессора и пытается привлечь к ответственности того, кто использует самооборону, заставляя человека доказывать собственную невиновность.

Согласно постановлению Верховного суда РФ [4], положение о самообороне, предусмотренное статьей 37 УК РФ, неприменимо, если средства применения силы не были эквивалентны. Более того, российские суды отказываются признавать ситуации, связанные с насилием в семье, опасными для жизни и здоровья женщин. В сфере борьбы с семейно-бытовым насилием часто возникает проблематика оценки действий жертвы, совершаемых в целях самосохранения. Когда действия жертвы переходят грань легальной самообороны и рассматриваются как чрезмерные, это ставит под сомнение возможность жертвы защищать свою жизнь и здоровье. Действия жертв в контексте самообороны могут иметь особую мотивацию и характер, обусловленные длительным психологическим давлением и риском для жизни. Недооценка этих факторов могут приводить к вторичной виктимизации жертв.

В случаях бытового насилия, когда женщины подверглись нападению, в большинстве случаев они физически слабее своего агрессора и могут защитить себя только с применением какого-либо вида оружия или предмета, используемого в качестве оружия. В бытовых ситуациях этим предметом чаще всего является кухонный нож. Прибыв на место происшествия, полиция уже видит результат этой защиты: серьезно раненный или убитый мужчина и женщина в состоянии шока, которая не отри-

цает, что размахивала ножом. Хотя женщины говорят, что они были вынуждены защищаться, в большинстве случаев полиция не предпринимает никаких действий для расследования объективной картины произошедшего. Это означает, что доказательства защиты женщины просто не регистрируются полицией. Часто женщин не направляют на медицинское освидетельствование сразу после инцидента, и их физические повреждения никоим образом не регистрируются [5, с. 17].

Можно сделать вывод, что при декриминализации «простых» побоев, т.е. при смягчении ответственности, но не её устранении, само деяние побоев получило иную отраслевую юридическую квалификацию. Его частичную декриминализацию при одновременном закреплении состава административного правонарушения нельзя считать установлением нового противоправного деяния, которое до этого не наказывалось. В то же время суды обычно не уточняют, как женщины должны оценивать риск угрозы их жизни и здоровью со стороны агрессоров в ситуациях, когда последний нападает. Очевидно, что невозможно заранее предсказать, каким будет нападение агрессора в каждой ситуации, а именно, какой из множества ударов может стать последним для жертвы. В таких случаях страх женщин за свою жизнь кажется вполне обоснованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. №82. 17.04.2023.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. №82. 17.04.2023.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. №82. 17.04.2023.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. №129. 17.06.2022.
5. Абрамова Н.Г. Особенности назначения и проведения судебных экспертиз при расследовании побоев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2–2. С. 17–23.
6. Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Права женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 516–539.
7. Бугера М.А., Кузнецов А.А. Содержание понятия «иные насильственные действия, причинившие физическую боль» в составе преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 38–41.
8. Жилина Н.Ю., Савельева И.В., Терещенко В.И. Декриминализация побоев: «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 128–130.
9. Квашис В.Е., Случевская Ю.А. Правовая защита семейных отношений (к законопроекту о семейно-бытовом насилии) // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 30–34.

© Краснов Александр Валерьевич (alex.mos409@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»